

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

*В.Ф. Спиридонов,
Российский Государственный
Гуманитарный Университет*

Обычно адекватность психологической теории оценивается либо с точки зрения ее возможностей объяснять закономерности функционирования психики, либо (что бывает значительно реже) предсказывать поведение человека или животного и результаты протекания их психических процессов. Однако реально задача психологической теории много сложнее - она должна удовлетворительно фиксировать и объяснять индивидуальный опыт человека (опыт нашей сознательной жизни), выступая таким образом своеобразным "зеркалом", дающим *узнаваемые* изображения и обладающим для этого специальным языком описания.

Доминирующий в современной психологии *законосообразный* тип объяснения поведения и психики (примерами которого могут служить законы Фехнера, Йеркса-Додсона, Клапареда и т.д.), придавая теоретическим построениям научную форму, часто лишает их убедительности с точки зрения личного опыта. Это не удивительно: апелляция к психологическому закону, в соответствии с которым якобы функционирует психика, практически полностью исключает собственную сознательную активность человека. Теоретические проблемы, с которыми столкнулись классический психоанализ, гештальтпсихология, бихевиоризм, многие направления когнитивной психологии, подтвердили, что психика не может быть представлена как автономный "механизм", работающий целиком помимо индивидуального сознания и воли (ведь сознание - не эпифеномен, а реальный момент в осуществлении психической активности).

Более того, законосообразный тип объяснения приводит к парадоксу: каким образом обычный человек, *свободно* живущий, действующий и стремящийся к достижению своих целей в мире "слабоструктурированных проблем, плохо поддающихся формализации", поступает тем не менее в соответствии с психологическими законами, о существовании которых он даже не подозрева-

ет. Будучи осознанной (за пределами психологической науки), эта проблема породила целый спектр возможных решений, в числе которых и мир "предустановленной гармонии", и детерминированность жизнедеятельности человека какими-либо независимыми от него силами или процессами, и универсальность нерелективных структур сознания. Надо отметить, что психологи часто (чаще, чем можно было бы ожидать) склонялись к признанию несвободы человеческого существования.

В противовес этому возникли теории, которые (хотя бы отчасти) имели тенденцию постулировать и объяснять феномен человеческой **свободы**. К ним относится и психологическая теория деятельности А.Н.Леонтьева и С.Л.Рубинштейна. Опираясь на понимание деятельности, заимствованное у Гегеля и у марксистской философии, названные психологи предприняли попытку осмыслить жизнь человека как **деятельность** (или систему деятельностей), представив психику, сознание и т.д. как производные от нее. Этот теоретический ход был направлен на достижение нескольких целей: получить единый, философски обоснованный объяснительный принцип сознательных и шире - психических явлений, зафиксировать деятельностную природу субъекта, а также его активную роль в осуществлении психических процессов и их развитии, вписать психику в широкий социальный и культурный контекст, попутно выявляя роль, которую в ней играют "искусственные" - культурные по своему происхождению предметы.²

Парадоксальным образом явно вопреки традиции категория деятельности получила в психологии, скорее, частную (индивидуальную), чем субстанциональную интерпретацию - "деятельность человека". Это привело к возникновению достаточно противоречивых представлений о ее источниках и субъекте. Так, "...мышление рассматривается как деятельность, когда учитываются мотивы человека, его отношение к задачам... когда выступает личностный (а это прежде всего значит мотивационный) план мыслительной деятельности" (Рубинштейн, 1957, с. 257).

Такой заход привел к возникновению весьма своеобразной (ее построение шло, в основном, "сверху вниз": от методологических

² Все внетеоретические соображения, стимулировавшие построение "марксистской" психологии, мы оставляем за пределами данного обсуждения.

и философских абстракций к конкретному материалу), плодотворной теории, существующей вот уже более полувека и в течение долгих лет доминировавшей в самых разных областях отечественной психологии (от инженерной и социальной психологии до зоопсихологии). Излишне говорить о том, что критерии позитивной науки (например, принцип фальсификации К.Поппера) применимы здесь лишь с большими оговорками: слишком высок удельный вес в психологической теории деятельности внеэвристических составляющих.

Помимо основного содержания теории деятельности сильное и неоднозначное впечатление на современного читателя производит утверждение переворота, совершаемого в психологии, и демонстрация уверенности ее создателей в собственной правоте: "Мы все понимали, что марксистская психология - это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии" (Леонтьев, 1983, с.96); "Путь для разрешения кризиса может быть только один: только радикальная перестройка самого понимания и сознания и деятельности человека... может привести к правильному раскрытию предмета психологии" (Рубинштейн, 1976, с.24); "...вклад марксизма в психологическую науку несопоставим по своему значению с самыми крупными теоретическими открытиями, сделанными в психологии как в домарксистский период ее развития, так и после Маркса" (Леонтьев, 1983, с.104). Психологическая теория деятельности *изначально* создавалась для поиска общих решений широкого круга психологических проблем. "Понимать людей, чтобы их совершенствовать, - таково истинное назначение психологии"(Рубинштейн, 1957, с.316).

Одним из основных объектов приложения сил выступало индивидуальное сознание: "Связная система психологической науки не может быть построена без конкретно-научной теории сознания" (Леонтьев, 1983, с. 107). Характерной особенностью и леонтьевского, и рубинштейновского вариантов теории выступает внимание, уделяемое в них этому предмету, попыткам адекватно "вписать" его в деятельностьную парадигму.³ Именно данный ас-

³ Показательны в этом отношении даже названия печатных работ "Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии"

пект сложного теоретико-методологического и мировоззренческого образования, которым является теория деятельности, служит предметом нашего анализа.

Обращение к сознанию как самостоятельному предмету психологического исследования обычно за редким исключением устойчиво оценивается как знак давно прошедшей эпохи: "донаучного" состояния психологической науки. Бихевиористская революция (начало XX столетия), чьим результатом стало распространение стимульно-реактивных схем анализа и строгих количественных методов исследования, вообще поставила под вопрос доступность сознания для научного анализа, что объяснялось отсутствием адекватных методик его фиксации. Суть дела не ограничивается лишь методическими трудностями. Сама проблема природы, условий осуществления и принципиальной целостности нашей внутренней реальности отходит на второй план. Сознание выпадает из "фокуса внимания" психологов и постепенно вытесняется за пределы психологической науки, заменяясь существенно более дробными и экспериментально "проницаемыми" объектами исследования (познавательными процессами, эмоциями, личностью и т.д.). Перестав быть предметом позитивной науки, оно остается уделом классической или феноменологической метафизики, с одной стороны, и оккультных наук с "восточным" привкусом, с другой. Сам термин "сознание" до сих пор часто используется в психологической литературе, но лишь как слово, иногда - красивая метафора, но не как понятие.

Причины исчезновения сознания из психологии нельзя назвать случайными. Препарированное в лабораторных условиях посредством утонченных интроспективных процедур, оно мало напоминало самое себя в реальных жизненных ситуациях. Не получив удовлетворительных дефиниций (точнее, получив слишком узкие, привязанные к феномену индивидуального, более того осознанного опыта⁴), сознание было отброшено. Когнитивная революция, произошедшая, в основном, после разработки основных постулатов теории деятельности и вновь повернувшая пси-

(1945 г.), "Бытие и сознание" (1957 г.), "Деятельность и сознание" (1972 г.), "Деятельность. Сознание. Личность" (1975 г.) и др.

⁴ Очень характерное для традиционной психологии сознания смешение: сознание и *осознание* (или осознанное содержание) суть одно и то же.

хологов к анализу "внутренней" реальности, тем не менее не стала возвращением к сознанию. Сложность и многомерность этого феномена практически не позволили "ухватить" его в конкретных эмпирических исследованиях (вообще говоря, возможность прямого экспериментального изучения сознания весьма проблематична).

С момента своего возникновения теория деятельности оказалась в сложных отношениях с традицией изучения сознания в психологии: она и продолжала ее, не разделяя скепсиса по поводу сознания как предмета исследования, и противостояла ей, не приемля ни метода интроспекции, ни узко индивидуальной интерпретации сознания, ни спонтанности протекания его процессов (примерно в таком же положении она находилось и по отношению к исследованиям деятельности в форме поведения (Рубинштейн, 1934)).

Эта двойственность своеобразно преломилась в психологических воззрениях создателей теории деятельности. С одной стороны, сознание явно оценочно трактовалось как высшая форма (отражения, психики и т.д.). При этом парадоксальным образом центральной теоретической новацией данного подхода выступил несамостоятельный, вторичный характер сознания (конечно, строго говоря, подобная точка зрения не может считаться абсолютно новой). Оно оказывается вторичным в нескольких принципиальных системах связей: производным от бытия, от предметной деятельности и (правда, с существенными оговорками) от физиологической активности мозга.⁵ Содержательно анализировать здесь еще одну идеологически и оценочно нагруженную систему зависимостей - между общественным и индивидуальным сознанием - весьма затруднительно в связи с явно недостаточной разработанностью в психологии (в том числе и в теории деятельности) операциональных определений общественного сознания.

Сейчас трудно понять, что в изложенной позиции являлось личным убеждением авторов, а что результатом идеологического прессинга. Важно отметить, что вторичный характер сознания - сущностный момент теории деятельности. Остановимся подроб-

⁵ "Психическая деятельность /сознание - одна из ее форм. В.С./- это деятельность мозга, являющаяся вместе с тем отражением, познанием мира" (Рубинштейн, 1957, с. 4).

нее на обобщенной характеристике некоторых детерминант индивидуального сознания.

В первую очередь следует отметить познавательную ("отражательную") интерпретацию сознания, которую теория деятельности почерпнула отчасти из предшествующей психологии и в значительной степени из марксизма. Сознание (и психическая деятельность в целом) устойчиво понималось как форма отражения, образ объективной действительности, т.е. предмета, находящегося вовне. Более того, именно из бытия черпает оно свое содержание: "сознание никогда не может быть чем либо иным как осознанным бытием" (Маркс, 1955, с. 25; подробный анализ см. Рубинштейн, 1934). Таким образом сознание оказывается познавательной деятельностью (процессом): "отражение - деятельность, в результате которой образ предмета становится все более адекватным своему объекту" (Рубинштейн, 1957, с. 39).⁶ Причем, сознание - лишь одна из форм (уровней) отражения.

Эти ходы мысли, давно превратившиеся в общее место в отечественных публикациях, конечно, не исчерпывают содержания понятия "сознание" в рамках теории деятельности, но задают вполне определенный контекст его понимания. Познавательное отношение сознания к бытию выступает центральным пунктом теории деятельности и явно превалирует над иными способами его интерпретации (ценностным, экзистенциальным, феноменологическим и т.п.). Сведение сознания к познанию наряду с целым рядом других следствий ведет и к весьма любопытным для психолога противоречиям в интерпретации психических функций. Например, внимание, не имеющее своего особенного (познавательного) результата, вопреки всей исследовательской традиции явно должно остаться вне пределов сознания.⁷

⁶Любопытно, что, "как только познавательная деятельность прекращается, образ пропадает" (Рубинштейн, 1957, с. 261). Такая наглядная оппозиция по отношению к феноменологии Э.Гуссерля, критическому анализу которой С.Л. Рубинштейн посвятил немало страниц, лишний раз подчеркивает несамостоятельный, вторичный характер сознания в теории деятельности.

⁷Чтобы внимание могло быть интерпретировано познавательным, приходится постулировать существование особого "нерезультативного" отражения (например, действий внутреннего контроля (П.Я. Гальперин)).

В качестве инстанции, формирующей сознание, опосредующей его взаимоотношения с бытием и таким образом вписывающей его в широкие жизненные контексты, выделялась предметная деятельность. Эта взаимосвязь получила наименование принципа единства сознания и деятельности: сознание проявляется и формируется в деятельности (Рубинштейн, 1934, 1959; исторический анализ см. Абульханова-Славская, 1989; Умрихин, 1989). Этот базовый для данной теории постулат несет на себе огромную смысловую нагрузку: "Объяснение природы сознания лежат в объективно-предметном, продуктивном характере человеческой деятельности" (Леонтьев, 1983, с.168).

Обсуждаемый принцип однозначно фиксирует направленность психологического познания: "Психика может быть познана опосредствованно через деятельность человека и через продукты этой деятельности" (Рубинштейн, 1976, с. 27). Он четко намечает движущие силы развития сознания, социально-исторические источники его возникновения и условия его существования (вне общественного сознания индивидуальное сознание невозможно (Леонтьев, 1983)). Этот принцип также позволяет преодолеть "трагический для психологии разрыв между внешней деятельностью (поведением) и сознанием" (Рубинштейн, 1934), поскольку в соответствии с ним внешняя, чувственная, и внутренняя, интеллектуальная деятельности могут обладать одинаковым строением (Леонтьев, 1983). Кроме того он снимает "постулат непосредственности", который, начиная со знаменитой формулы Дж. Уотсона (S-R), не давал покоя теоретикам "внутренней" реальности. Вместе с тем принятие этого принципа приводит к ряду существенных проблем, в числе которых в первую очередь должны быть названы: соотношение сознания и деятельности и активность сознания.

Предполагает ли постулируемое единство сознания и деятельности их реальное слияние? Зафиксируем, несколько заострив, противоположные позиции. Тождество: "Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания" (Леонтьев, 1983, с. 185). Сознание тоже становится деятельностью. Различие: деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее и сопутствующее ей сознание (Леонтьев, 1983). Реально эта проблема дала себя знать в острых дискуссиях между создателями теории деятельности.

В функциональном плане центральным оказался вопрос о том, что именно - сама деятельность или внутренние психологические

закономерности, обуславливающие психический эффект внешних воздействий ("психическое как процесс"), - является определяющим фактором и выступает предметом психологического исследования. В генетическом плане - о том, что первично сознание или деятельность. Существует ли сознание (внутренний план) в онтогенезе до начала деятельности? Какая схема верно описывает взаимозависимость деятельности и психики: Деятельность » Потребность » Деятельность или Потребность » Деятельность » Потребность? Действуют ли внешние причины через внутренние условия или как-то иначе? Эта дискуссия при всей своей важности относится к числу "бесконечных".

Второй круг вопросов связан с источниками сознательной активности. Что именно - индивидуальное сознание или самая деятельность - выступают активным началом в жизни человека? Большинство представителей классической психологии сознания отстаивали разнообразные формы собственной активности своего предмета исследований. В этой связи могут быть названы произвольные психические функции, а также апперцепция Вундта, "поток сознания" Джемса, детерминирующая тенденция Аха, гештальтформы и многое другое. Однако все они за исключением произвольных функций имеют не-деятельностную природу, т.е. совершаются без сознательного плана и намерения и с трудом поддаются управлению. Необходимо было привести явления сознания к деятельностному "знаменателю". И в этом пункте точки зрения обсуждаемых авторов не совпадают.

А.Н.Леонтьев сделал акцент на анализе деятельностных дериватов сознания. Это нашло отражение и в предложенной им структуре деятельности, и в теориях мнемических, перцептивных, мыслительных и т.п. действий, предложенных им и его учениками и сотрудниками, и во многом другом. Немаловажную роль в формировании такой точки зрения, по-видимому, сыграло влияние Л.С.Выготского и его представлений об опосредованном характере психики.

С.Л.Рубинштейн предложил иное решение, в большей степени опиравшееся на предыдущую психологическую традицию. Он смог изящно совместить планируемость и управляемость, с одной стороны, и спонтанность, с другой. "Реальный процесс мышления... представляет собой и деятельность (человек мыслит, а не просто ему мыслится), и процесс..." (Рубинштейн, 1957, с. 257). Психическое существует как процесс и в таком качестве в неко-

торых случаях может характеризоваться самостоятельной активностью. Но субстанцией, в действительности придающей ей движение, выступает деятельность субъекта. Причем, в этом случае психическое ("процесс") выступает, ее необходимым атрибутом.

Если в формулировках общих положений теории деятельности можно обнаружить определенные различия между позициями ее создателей, то их конкретно-психологические взгляды на природу сознания были весьма схожими.

С.Л.Рубинштейн рассматривал человеческое сознание как рефлексию на мир и на самого себя (точнее, как психическую деятельность, которая выступает в таком качестве) (Рубинштейн, 1957). По своей функции сознание - "это способ регуляции поведения, деятельности, действий людей. Этот специфический способ выражается в целенаправленном характере человеческих действий - в возможности предвосхитить результат своего действия в виде осознанной цели и спланировать самые действия в соответствии с ней" (Рубинштейн, 1957, с. 280). В рамках такого понимания осознанное закономерно оказывается уже психического и захватывает лишь его часть.

Сознание обязательно предполагает познавательное отношение к предмету: это всегда знание о чем-то, что вне него. Подлинной конкретной "единицей" психического (сознательного) является целостный акт отражения объекта субъектом, включающее в себя единство двух противоположных компонентов - знания и отношения (Рубинштейн, 1957). Причем, "в психологическом плане сознание выступает как процесс осознания" (Рубинштейн, 1957, с. 275).

Таким образом сознание - это осознание субъектом объективного окружающего мира. "Осознавать - значит отражать объективную реальность посредством объективированных в слове общественно выработанных обобщенных значений" (Рубинштейн, 1957, с. 274). Это происходит по мере выделения рефлексии на окружающий мир и на собственную жизнь. "Наличие у человека сознания - означает, что у него складывается совокупность объективированных в слове знаний, с помощью которых он осознает явления действительности и себя через их соотношение с этими знаниями (Рубинштейн, 1957, с. 276). Этот процесс имеет ряд характерных особенностей. Так, "внимание выражает специфическую закономерность процесса осознания" (там же, с. 272).

А.Н.Леонтьев определял сознание как рефлексию субъектом действительности, деятельности и себя: "Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния" (Леонтьев, 1983, с. 167), подчеркивая, что "отождествление психического отражения и сознания - не более, чем иллюзия нашей интроспекции" (там же). При этом функция сознания оказывается вполне прозрачной: "Психический образ продукта как цели должен существовать для субъекта так, чтобы он мог действовать с этим образом" (там же). Человеческое сознание имеет таким образом две взаимосвязанные ипостаси: сознание-образ и сознание-деятельность, задающие направление развития сознания. Причем сознание не дано изначально, оно производится обществом: в ходе развития посредством интериоризации внутренний план формируется (Леонтьев, 1983).

Пуантой взглядов Леонтьева выступает попытка преодоления теоретических изъянов классической психологии сознания. Как известно, существенным недостатком интроспективного метода является невозможность выделить сознание в "чистом виде": "Сознание выступало в психологии лишь как условие протекания психических процессов... Сознание - бескачественно. Это качество презентированности психических процессов" (Леонтьев, 1983, с.107). Полученные в результате многочисленных исследований описания структуры и законов протекания процессов сознания равно применимы и к "полю сознания", и к его содержанию. Различить их не удастся. Истоки такого положения дел, безусловно, связаны с характерными чертами процедуры *cogito*, использованной Декартом и ставшей затем основанием европейской психологии сознания (Зинченко, Мамардашвили, 1977; Мамардашвили, 1994).

Пытаясь нащупать саму "материю" сознания, Леонтьев постулирует многомерность этого феномена и выделяет его психологическую структуру, которая включает в себя значения, личностный смысл и чувственную ткань. Особенности названных конструкторов заключаются в следующем. Значения представляют собой абстрагированные и идеализированные познавательные результаты общественно выработанных действий, зафиксированные в языке. Они всегда реализуют в сознании какие-либо смыслы. Личностный смысл - это значение значения для субъекта. А чувственная ткань (то, в чем существует для субъекта предметное

содержание), образующая чувственный состав конкретных образов реальности, придает реальность сознательной картине мира (Леонтьев, 1983).

Сознание представляет собой не плоскость, а внутреннее движение его образующих, погруженное в общее движение деятельности. Суть этого внутреннего движения - во взаимопереходах непосредственно-чувственных содержаний и значений, приобретающих в зависимости от мотивов деятельности различный смысл и реализующих становление связной системы личностных смыслов человека. Взаимодействуя друг с другом, выделенные составляющие включают сознание в реальный процесс жизни: чувственность связывает значения в сознании субъекта с реальностью объективного мира, а личностный смысл связывает их с реальными мотивами человеческой деятельности. Они также определяют собой свойства сознания: предметность (значение, не составляющее предметной области отнесенности знака - нон-сенс), пристрастность (наличие неравнодушного отношения или, что то же самое, личностного смысла), реальность или "ощутимость" (обязательное присутствие чувственной основы) и т.д. (Леонтьев, 1983).

Таким образом, любое содержание сознания, чтобы быть представленным субъекту должно быть реализовано в трех названных составляющих.⁸ "Системный анализ сознания требует исследовать составляющие со стороны той функции, которую каждое из них выполняет в процессах презентирования (представленности) субъекту картины мира" (Леонтьев, 1983, с.172). Постоянная внутренняя работа сознания и направлена на достижение осознания: на перевоплощение непосредственно "невыразимых" личностных смыслов и чувственных представлений в адекватные значения. "Поэтому-то внутреннее движение развитой системы индивидуального сознания и полно драматизма" (Леонтьев, 1983, с.185).

Проведенный анализ позволяет сформулировать достаточно неожиданные выводы. В своих взглядах на сознание создатели теории деятельности были парадоксально близки к взглядам В.Вундта, У.Джемса, Э.Б. Титчнера - представителям классической психологии сознания. В русле традиции, восходящей к Де-

⁸ В некоторых особых условиях представление может быть осуществлено посредством одной чувственной ткани (Леонтьев, 1983, с.173).

карту, сознание трактуется здесь как осознание - представленность или явленность содержания субъекту. Причем, достоверность осознания не подвергается сомнению⁹. Это сходство представляется тем более удивительным, если учесть научные и социальные контексты, в которых возникали названные подходы, их совершенно различные теоретические и методологические предпосылки, научные ориентиры авторов. Включение сознания в контекст человеческой деятельности значительно обогатило это понятие: сознание превратилось в социокультурный по своей природе, объективно опосредованный, связанный с языком, развивающийся в фило- и онтогенезе предмет психологического анализа. Но все это лишь - "... такая совокупность (или система) объективированных в слове, более или менее обобщенных знаний, посредством которых он может осознавать окружающее и самого себя, опознавая явления через соотношения с этими знаниями" (Рубинштейн, 1957, с. 276). Понимание сущности процессов сознания остается неизменной: презентированность мира субъекту или осознание им мира и самого себя.

Оно представляется недостаточным. Исторически первым его критиком в психологии выступил З.Фрейд, сравнивший в одной из своих работ "философов Вундтовской школы", которые считали сознание никогда не отсутствующим признаком психической жизни, с маленьким Гансом, видевшим в мужском половом органе признак всего живого (Фрейд, 1989). Фрейд первым из психологов зафиксировал, что феномен сознания не сводится к осознанию. Ведь бессознательное - это тоже часть сознания, но не презентированная субъекту, не осознаваемая им. Причем наличие знаний, изрядной когнитивной сложности и даже искреннего желания не слишком помогает его прояснению. Более того, если первоначально источником скрытых содержаний считался процесс "вытеснения" их из сферы осознаваемого, то затем были "обнаружены" целые слои сознания, никогда не всплывающие "на поверхность" (Юнг, 1991).

Введение понятия "бессознательное" оказалось эвристичным для решения весьма различных проблем. В этом ряду помимо

⁹ Такой ход мысли целиком укладывается в рамки "классического идеала рациональности" в отличие от "неклассического", основания которого были заложены работами Э.Гуссерля и З.Фрейда (Мамардашвили, 1994).

объяснений причин невротической симптоматики и "психопатологии обыденной жизни" могут быть названы целостность личности, непрерывность и преемственность существования человека (ведь осознание не может быть непрерывным, что не мешает непрерывности индивидуального опыта), и принципиальная несводимость психического к другим формам бытия. Психоанализ нащупал совершенно неожиданные возможности анализа сознания. В рамках теории деятельности их было трудно как-то ассимилировать, и поэтому приходилось корректировать или опровергать. "...налицо гибкая подвижная динамика непрерывных переходов, не позволяющая говорить об отделенных друг от друга непроходимыми барьерами устойчивых сферах осознанного и "вытесненного" (Рубинштейн, 1957, с. 279); "Неосознаваемое и осознаваемое не противостоят друг другу; это лишь разные формы и уровни психического отражения" (Леонтьев, 1983, с.213). Таким способом сознание (осознаваемое) сохраняется в качестве предмета исследования, но оказывается сводимым к иным процессам (например, познавательным).

Важно понять, что же выпало из "деятельностного" анализа сознания. Возможный общий ответ таков: то, что не может выступить продуктом человеческой деятельности, что создается или осуществляется помимо предварительного плана или цели (Щедровицкий, 1996).

В соответствии с этим критерием (хотя в самой психологии он и не был отчетливо сформулирован) вне пределов изучения остается несколько узловых проблемных моментов. Первый из них связан со структурой и динамикой сознания. Так, в рамках очерченных представлений трудно полноценно зафиксировать наличие разнообразных слоев сознания, обладающих различными функциями, свойствами и, безусловно, разной степенью осознанности, выявить принципы их взаимодействия¹⁰. Не ясно, как возникают сложные, опирающиеся на символические структуры "превращенные" формы осознания. Особенно важным здесь

¹⁰Скажем, феноменология постулирует существование нерелексивных слоев сознания ("интенций" в терминологии Э.Гуссерля (Гуссерль, 1994)), которые и выступают его основой, создавая "почву" для рефлексии. Существуют и иные варианты поиска "нулевого уровня" сознания. Например, механизмы "кроссмодальной" трансляции, обеспечивающие психофизическую целостность субъекта.

представляется описание устойчивых "фигур": например, архетипов (Юнг, 1991), навязчивых страхов, доминирующих ценностных и иных предпочтений субъекта и т.п. Вместе с тем, требует особого обсуждения и сама целостность сознания, принятая создателями теории деятельности как аксиома: в связи с чем психический образ имеет целостную природу?

Второе проблемное поле связано с необходимостью описания "недеятельностных" состояний сознания: переживаний (например, сомнения), творческих процессов или вообще человека, как агента случайных событий (например, везения или "фарта"). К этой тематике примыкает и анализ галлюцинаций, сновидений, а также патологических феноменов (трудно представить раздвоенное сознание как результат целенаправленной деятельности), т.е. тех феноменов, которые в современной психологии объединяются под рубрикой "измененных состояний сознания".¹¹

Третий круг проблем связан с контроверзой свободы и закономерности. Можно ли считать субъекта деятельности свободным? С точки зрения субстанциональных философских теорий ответ должен быть отрицательным: свобода - это осознанная необходимость (Маркс, 1955). Однако, как уже отмечалось, в отечественной психологии деятельность интерпретируется скорее как деятельность человека. В этом случае ситуация перестает быть однозначной. И чтобы в ней разобраться, необходимо зафиксировать принципы взаимоотношений субъекта с собственным сознанием: насколько оно подчиняется ему и где лежат пределы этого управления, что в структуре сознания допускает целенаправленное формирование, насколько вообще важна собственная активность субъекта для протекания процессов его сознания.

Без учета перечисленных проблем сознание как предмет исследования теряет свою психологическую глубину. Именно с этим обстоятельством связана, на мой взгляд, не слишком счастливая судьба изучения сознания в рамках теории деятельности.

¹¹ Отметим целый ряд попыток дать деятельностьную трактовку самых разных составляющих психики: переживания (Василюк, 1984), творческого мышления (Данилова, 1978; Идобаева 1981), мировоззрения (Залесский, 1983). Несмотря на отдельные удачные находки, все они, по-моему, не очень убедительны.

Перевести его анализ от общих формул к конкретным исследованиям в полном объеме так и не удалось. Более того, современная ситуация свидетельствует о потере авторитета данным теоретическим направлением. Представляется, что это не в последнюю очередь связано с той конкретной исторической формой, в которой "сформулирована" теория деятельности, с тем кругом проблем, который она анализировала. Поэтому центральным здесь является вопрос о том, что еще сможет теория деятельности сказать о сознании, какие еще теоретические резервы его интерпретации она потенциально содержит.

Возможной "точкой роста" может послужить анализ деятельности с "предметами", которые "больше" субъекта и не поддаются его контролю. Потенциальными объектами приложения сил могут выступить религия, творческое мышление, глубокие мотивационные структуры, невротические симптомы и т.д. В результате такой работы сторонники теории деятельности либо смогут представить сознание в целом (а не только осознание) как деятельность, либо обнаружат объективные пределы своего подхода. Причем это будет проверкой не только объяснительных возможностей самой теории, но средств описания индивидуального опыта человека.

Психологическая наука постепенно вступает в новый этап своего развития: сознание как предмет исследования снова начинает привлекать к себе внимание. Об этом свидетельствует обострение и чисто академического интереса к исследованиям сознания, и общественного внимания к этой проблематике. Но речь не идет о том, чтобы возвратиться в 1879 год. Психология вынуждена вновь заниматься сознанием, привлекая для этого все имеющиеся в ее арсенале средства, чтобы стать наукой о реальных человеческих проблемах. Без психологической теории сознания описание психики остается неполным, а построение исчерпывающей теории невозможным.

Литература

Абульханова-Славская К.А. Принцип субъекта в концепции С.Л.Рубинштейна. // С.Л. Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989, с. 10-61.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., МГУ, 1984.

Данилова В.Л. Воспитание систематического мышления в решении задач на соображение. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. психол. наук, М., 1978, 26 с.

Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., Гнозис, 1994, 162 с.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии. Вопросы философии. 1977, № 7, с. 109-125.

Идобаева Т.А. Ориентировка в структуре действия и обобщение анализа задачи. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. психол. наук, М., 1981, 20 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. // Избранные психологические произведения. Т.2, М., 1983, с. 94-231.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. 2-е изд. М., 1994.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Сочинения. изд. 2-е, Т.3 М., 1955.

Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса. Советская психотехника. 1934, №1.

Рубинштейн С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса. // Проблемы общей психологии. М., 1976, с. 19-46.

Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., Изд. АН СССР, 1957.

Умрихин В.В. Ленинградский период творчества С.Л.Рубинштейна: формирование исследовательского коллектива научной школы.// С.Л. Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989, с. 113-128.

Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика. // Психология бессознательного. М., 1989, с. 39-122.

Щедровицкий Г.П. "Естественное" и "Искусственное" в развитии и функционировании знаковых систем. // Акмеология. 1996 № 2, с. 57-71.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М., Ренессанс, 1991.